

Стрит-арт — искусство или акт вандализма?

Сегодня на фасадах серых и скучных городских зданий можно увидеть разноцветные граффити и арт-объекты. Что же такое стрит-арт? Какова его история? Почему он так популярен сейчас? Об этом вы узнаете, когда прочтаете статью.

Елизавета
КОКАРЕВА

Стрит-арт (англ. street art) — это разновидность современного урбанистического искусства, создаётся в общественных местах и для всеобщего обозрения. Он рассчитан на восприятие совершенно неподготовленным человеком, перед художником стоит задача ухватить внимание любого прохожего и высказать свою мысль так, чтобы её сразу поняли. Стрит-арт не про красивую картинку, а про высказывание. Это голос улиц, народа, некоторая форма общественного протеста.

Среди видов стрит-арта — граффити, муралы, рисунки, трафаретные изображения, стикеры и постеры. Первые два часто путают, поэтому для начала разберёмся в терминах. Под граффити обычно понимают надписи или небольшие изображения, созданные как опытными художниками, так и дилетантами. Мурал — произведение уличного искусства во всю стену здания, которое всегда несёт культурную ценность. Часто муралы создают в рамках фестивалей стрит-арта или проектов, которые финансируют городские власти.

Сложно определить, когда настенные рисунки появились впервые, такое образительное искусство является одним из древнейших. Но несмотря на это, не утихают споры относительно этой деятельности, ведь многие люди считают, что стрит-арт — акт вандализма. Но так ли это? Окунемся в мир этого вида искусства глубже и попробуем разобраться, что это такое на самом деле.

Важно отметить, что уличное искусство существует с момента появления человека разумного. Сначала творчество проявлялось в виде наскальной живописи. Позже, уже в цивилизованном обществе (в Древнем Риме, Греции, Египте и т.д.), люди начали выражать свои мысли посредством нанесения надписей на стены. Это были рекламные послания, признания в любви, выражение политических высказываний и др.

Такой стрит-арт, каким мы привыкли видеть его сегодня, **предположительно**, появился во время Второй мировой войны. Первым случаем принято считать появление вирусной надписи „Kilroy was here“. Её наносил некий Kilroy, который, **предположительно**, работал на заводе по производству бомб в Детройте (США).

Примечателен и тот факт, что до 2012 года нигде в мире не было создано музея стрит-арта; не существовало и отделов, которые могли представить этот стиль публике. Впервые такого рода музей был открыт в Санкт-Петербурге. Главной целью его создания является предоставление информации об уличном искусстве и граффити.

В стрит-арте, как и в любом другом направлении, имеются известные представители. Картины современных художников, работающих в стиле уличного искусства, обсуждаются по всему миру и выставляются в музеях, художественных галереях и на аукционах. Многие имена были на слуху у всего художественного сообщества — Ли Киньонес, Жан-Мишель Баския, Кит Харинг, Даниэль Бурен и другие. Однако имена некоторых создателей работ в стиле стрит-арта неизвестны, так как они предпочитают оставаться анонимными. Но нам и необязательно знать личность художника, потому что мы находимся в том контексте, в котором он творит. Уличное искусство стало темой нескольких компьютерных игр, изображения граффити появились на сумках и футболках, скейтбордах и досках для серфинга. Стрит-арт прочно вошел в молодежную субкультуру. Стремление оставить свое послание на как можно более сложной для доступа поверхности создавало впечатление о небывалой «крутизне» автора, добавляя ему «очков» в рейтинге

общественной любви. Многие художники стрит-арта зачастую не заботятся о сохранности своего произведения. Они знают, что их творение могут стереть или закрасить на следующее утро. Им важен сам факт исполнения своей задумки.

Тенденция к переходу стрит-арта от улицы к художественным галереям свидетельствует о признании этого вида искусства художественным сообществом. Однако многие по-прежнему считают, что уличное искусство — это голос свободного человека, неподвластного ни деньгам, ни власти. Поэтому стрит-арт находится на тонкой грани между искусством и вандализмом.

Стрит-арт сегодня — это мощный инструмент для развития городских территорий и изменению городского облика. Это перспективное направление развития и преобразования городских публичных пространств, которое не только делает городскую среду более привлекательной для местных жителей города, но и вызывает интерес со стороны зарубежных туристов.

Экспонат из музея «Лес тысячи духов»

Зачем сочетать ИКОНЫ И АНИМЕ

В феврале в Государственном музее истории религии открылась выставка Фёдора Хиросигэ «Лес тысячи духов». Работы художника интегрировали в постоянную экспозицию. Делюсь наблюдениями и комментариями автора. Фёдор Хиросигэ рассказал, какая связь у Сейлор Мун с католическими облачениями и как сотрудники музея утверждали выставку.

Глеб
НЕСТЕРОВ

Фёдор Хиросигэ — современный художник из Санкт-Петербурга, трижды номинант премии имени Курёхина, участник выставок в Финляндии, Швеции и США. В творчестве он объединяет массовую культуру и фольклор. Этот же подход — в основе свежей выставки. Героиня культового аниме, люди-грибы и Семиглазка переплетаются со священными предметами католицизма, религий Древнего мира и Востока.

«Можно смело сказать, что Сейлор Мун — воплощение безусловной любви, ключевой христианской добродетели.»

Впрочем, этот симбиоз прошлого и настоящего распознала только часть посетителей. Остальная аудитория отнеслась скептически. Особенно их удивил флаг с сердцем и японской школьницей в мини-юбке, который расположился рядом с монашеской мантией. Кажется, что это провокация, но всё куда глубже:

«Конечно, было бы замечательно, если бы все посетители знали, что „Сейлор Мун“ — сериал про экзорцизм, в котором из серии в серию повторяется одно и то же: прекрасная дева силой своей чистоты изгоняет демонов, вселившихся в простых людей. Можно смело сказать, что Сейлор Мун — воплощение безусловной любви, ключевой христианской добродетели. Удивительный факт: в манге эта героиня является христианкой. Если говорить о красоте экспозиции, рисунок в форме сердца и сердце на ткани прекрасно рифмуются со Святейшим Сердцем Иисуса Христа, святыней ордена иезуитов», — объясняет Фёдор Хиросигэ.

Помимо «локальных» рифм, у выставки есть глобальная идея —

осмыслить музеефикацию религиозных предметов. Когда вещи помещают за стекло, они лишаются контекста. Из-за этого складывается впечатление, что молитвенный барабан буддистов или бубен сибирского монаха утрачивают духовную силу. Это не так. Чувствовать энергетическое поле вещей или нет, зависит только от посетителя.

Государственный музей истории религии принял эту мысль Фёдора Хиросигэ. В первую очередь проектом заинтересовался Павел Тугаринов, старший научный сотрудник музея. Затем выставку утвердила Любовь Мусиенко, директор. При этом согласование выставки — лишь первый этап. Ещё сто шагов впереди:

«Постепенно мы знакомимся с сотрудниками разных отделов музея, каждый из которых так или иначе участвовал в утверждении проекта и тех предметов, которые в итоге оказались внутри постоянной экспозиции. Некоторые вещи не были приняты, потому что они могли угрожать сохранности предметов музейной коллекции. Например, первоначально в нашем списке были берёзы с рисунками на коре, но мы вместе с командой музея пришли к выводу, что эти вещи могут создать неблагоприятную среду для экспонатов, и отказались почти от всех предметов с остатками коры. Также после размещения предметов в залах необходимо было показать всё привнесённое хранителям разделов и ещё раз убедительно и аргументированно объяснить, почему именно эта вещь располагается

именно здесь, какие смыслы основной экспозиции при этом оттеняются. Хранитель раздела архаики отметила, что теперь „главное, чтобы приняли духи“. Поэтому, возможно, дискуссия продолжается, но уже не на языке смертных», — делится Фёдор Хиросигэ.

«Хранитель раздела архаики отметила, что теперь „главное, чтобы приняли духи“. Поэтому, возможно, дискуссия продолжается, но уже не на языке смертных»

Духов тысячи, а Государственный музей истории религии — теперь их лес. На это намекает название выставки. Также оно отсылает к произведениям нигерийцев Фагунвы Даниеля и Амоса Тутуолы. Герои их книг встречаются с богами, полубогами и другими потусторонними существами. Мистический опыт не обличается в этой литературе. Наоборот, он предстаёт дорогой к инициации. На неё, на эту дорогу, Фёдор Хиросигэ приглашает и вас. Его выставка открыта до 5 мая 2024 года в четырнадцатом доме на Почтамтской улице.

Старое — всегда доброе, ПОТОМУ ЧТО ОНО ТВОЕ

Вы достигли полосы «Личность в искусстве», поэтому Вашему вниманию — интервью с Сергеем Николаевичем Ильченко — профессором СПбГУ, доктором филологических наук и кандидатом искусствоведения.

**Анна
КРАСОВСКАЯ**

**Елизавета
КОКАРЕВА**

**Евгения
МИХАЙЛОВА**

— Сергей Николаевич, Вы человек творческий в профессиональном смысле этого слова, так что выбор темы нашего выпуска должны одобрить. А выбор пал на современную культуру. Поэтому разрешите сразу спросить Вас: как Вы относитесь к тому, что сейчас происходит в искусстве? Стоит ли его сравнивать с классическим?

— Вопрос развития искусства и культуры вечный, потому что новые тенденции и веяния, новые способы осмысления действительности приходят всегда. Люди разных поколений по-разному относятся к нынешней системе художественных ценностей. Те, кто жил в эпоху советской цивилизации, испуганно смотрят на то, что происходит сейчас. Поэтому я считаю, что вопрос в возрасте, поколениях и доминирующих тенденциях. И, конечно, на искусство значительно влияет идеология, в частности, внешнеполитическая и геополитическая ситуации.

— Вы уже отчасти ответили на наш следующий вопрос: с чем связано негативное отношение некоторых людей к современному искусству?

— Видимо, актёры молодого поколения очень часто мелькают. И как личности они значат для меня чуть меньше, чем Александр Анатольевич Ширвиндт или Олег Иванович Янковский. Я не отношусь к молодым актёрам свысока, просто мне интереснее люди, которые могут показать то, чего я раньше не видел. И это большая проблема для человека, который всю жизнь находится в искусстве. Она приводит к некоторой занудности: «Я всё это уже видел — попробуй удивить». Неслучайно многие режиссёры, начиная ставить спектакль, говорят: «Чем удивлять будем?» Посыл на тему «Чем удивлять будем?» и приводит к вывертам, в том числе эстетическим, на которые не хочется смотреть. Например, в финале спектакля Ф. Бондарчука по «Ревизору» Н. В. Гоголя выходят пятьдесят человек, садятся на стулья и начинают нервно трястись. На всё про всё было затрачено 25 минут моей жизни. Закончилось это как положено: все разошлись довольные собой. Я был недоволен.

— Вы подметили, что произведения современного искусства в большинстве своём экстравагантны. Можно ли ещё отметить что-то особенное? Чем выделяется современное искусство?

— Я бы даже сказал не «экстравагантность», а желание быть «пупом Земли». То есть всё, что автор делает, — гениально и единственно в своём роде. Отсутствие критического взгляда на себя со стороны может привести к ощущению, когда человек, имеющий знаменитую фамилию, думает, что он великий режиссёр, и пытается всем это доказать. Разрыв между тем, что творец думает о себе, и тем, что он представ-

ляет из себя на самом деле, — и есть главная проблема. Вопрос — в неадекватном восприятии себя, отрывочности знаний и отсутствии системы. Советское искусство отличалось тем, что существовала стройная иерархия: вводились определённые правила игры, и при соблюдении этих правил почти всегда можно было создавать всё, что хочется. Нынешние творцы художественного контента работают без системности образов и не на столь широкую массу, как хотелось бы.

— В таком случае главная проблема современного искусства в том, что творцы рассчитывают на массовость?

— Они очень хотят на неё рассчитывать. Однако есть массовость «Холопа 1, 2» или «Льда 1, 2, 3», а есть массовость «Иронии судьбы» или «Осеннего марафона». И она по-разному завоёвывается. Технологией мы овладели и фамилии известные у нас звучат, но никакая технология или фамилия — перефразирую выражение Короля из «Золушки» — «не поможет сделать

Советское искусство отличалось тем, что существовала стройная иерархия

маленькую ножку большой, а злое сердце — добрым». Для этого нужно иметь душу.

— Мы коснулись темы кино, и Вы уже назвали недостатки современных фильмов. А какие достоинства у них можно выделить?

— Возможность чувствовать своё интеллектуальное превосходство. Потому что ты понимаешь, извините за грубость: это режиссёр украл из одной картины, здесь он взял персонажа из другой. Усадьба Онегина, которую нам показывают в фильме, — это Елагиностровский дворец; а Казанский собор каким-то образом перемещается в Москву. Бывают такие чудеса в кинематографе. Очень приятно смотреть и поглаживать себя по голове, приговаривая: «Какой ты,

Серёжа, умный: какой молодец, чтовсёэто знаешь.» С другой стороны, кино не всегда должно быть в такой

зависимости от зрителя. К счастью, оно разное, и ты по-разному его воспринимаешь. Поэтому, когда начинаешь критически об этом писать, понимаешь: «Что бы ты делал в профессии критика, не будь такого повода для иронии, насмешки и сарказма?» Легче говорить о том, что не понравилось, чем объяснять, почему тебе приглянулся фильм или спектакль. В последнее время у меня такое происходит с книгами. Если вы спросите меня про приоритетность, то там, где я черпаю впечатления, — это книги.

— Кинематограф — это в первую очередь люди. Назовите 5 лучших, по Вашему мнению, современных актёров.

— Во-первых, конечно, Антон Шагин. Во-вторых, очень талантливый и интеллигентный Леонид Бичевин: играл, как и Шагин, в «Союзе Спасения». Третий, как ни странно, Максим Матвеев, особенно он понравился мне в сериале «Триггер». Далее в моём списке — Андрей Горбачёв. Известен по роли в фильме «Формула преступления», играет также в театре на Васильевском у нас в Санкт-Петербурге. Завершу пятёрку Владиславом Абашевым.

— Возьмём курс на сценическое искусство. Нужно ли ставить современные спектакли на сцене классических театров?

— Конечно, а как иначе? Если экстравагантность приходит — значит, с пьесой всё нормально: она побуждает такие творческие намерения. Поэтому зачастую чем экстравагантнее, тем интереснее.

— Вы сказали, что в настоящий момент из всех видов современного искусства Вам больше всего нравится литература. Можете ли Вы выделить любимых писателей нашего времени?

— За последний год на меня сильное впечатление произвели дагестанский писатель Ислам Ханипаев, Ричард Осман с его «Клубом убийств

по четвергам», испанец Артуро Перес-Реверте и, конечно, Алексей Иванов. Его «Бронепароходы» — книга уровня «Хождения по мукам» и «Тихого Дона».

— Подведём итог блиц-вопросом. Представьте: у Вас появилась возможность выбрать, что посетить сегодня, но только из двух вариантов — музей современного искусства «Эрарта» и классический корпус Бюна. Что предпочтёте?

— Честно говоря, я бы сходил в корпус Бюна: чувствую себя виноватым перед Василием Ивановичем Суриковым, выставку картин которого я до сих пор не посетил. В «Эрарту» не пойду, потому что это обыкновенный выставочный комплекс, который называется музеем. Музей организуется и существует по другим правилам. Хотя то, что они делают, — очень симпатично. Но если вы так сталкиваете меня носом, то, конечно, Бюна — только чтобы не стоять очередь.

— То есть Вы бы не предпочли «старое доброе» новому?

— Понимаете, старое — всегда доброе, потому что оно твоё. А новое — неизвестное: оно может быть и добрым, и злым, и загадочным, и непонятным. Опыт на то и даётся человеку, чтобы избегать рисков при новом. Пушкин писал:

«Как мысли чёрные к тебе придут,
Откупори шампанского бутылку
Иль перечти „Женитьбу Фигаро“»

У меня немного другие приоритеты, но рецепт Александра Сергеевича абсолютно правильный.

Доступ к подборке классических шедевров

Прочитать можно бесплатно: без смс и регистрации

**Дарья
МИТЯЕВА**

Кино, считающееся одним из самых молодых искусств, также является самым массовым. На протяжении многих лет экранизация классических произведений оставалась популярной и востребованной.

В силу нехватки времени у людей на чтение книг, они часто предпочитают посмотреть фильм, что более удобно. Поэтому предлагаем подборку лучших кинокартин по русской классической литературе.

Что там на полка?

Люди нашего времени читают больше чем прошлое поколение. В основном это новости, повестка дня, но художественная литература не осталась лишь в школьных воспоминаниях. По данным издательской группы «Эксмо-АСТ», в 2023 году в России было продано бумажных книг на сумму 94 млрд рублей. Это на 9% больше, чем годом ранее.

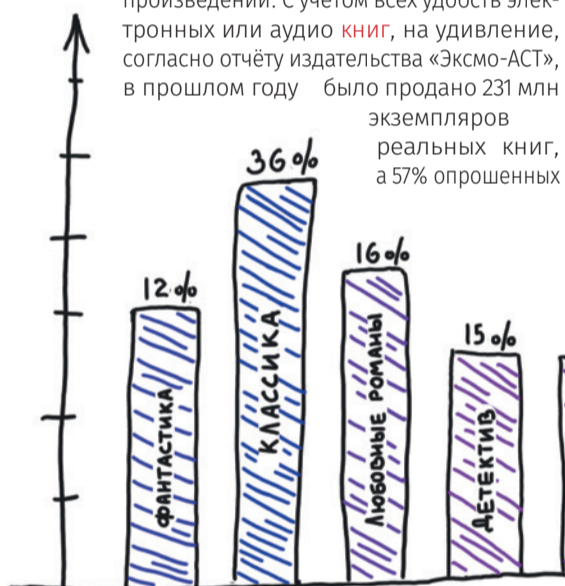

Дарья КРАСНОВА

Формат

Литературные произведения в современном мире активно стали складироваться не только на полках, но и в телефонах и электронных книжках. Рынок аудиокниг вырос на 24% в 2023 году. С одной стороны, это помогает и даже заставляет людей больше читать, так как отговорки «слишком тяжёлая» или «в сумку не помещается» больше не работают. С другой — это увеличивает нагрузку на организм, так как не раз было сказано докторами как вредно для здоровья излучение от гаджетов.

Для каждого типа восприятия — аудиального, визуального, тактильного — теперь есть библиотека с обширным выбором произведений. С учётом всех удобств электронных или аудио книг, на удивление, согласно отчёту издательства «Эксмо-АСТ», в прошлом году было продано 231 млн экземпляров реальных книг, а 57% опрошенных

(по данным Комсомольской Правды) читают именно бумажные экземпляры. В метро, автобусах, даже во время час пика люди достают потёртые книжки и, держа в одной руке переплёт в другой тяжёлые сумки, увлечённо читают, хотя большинство книг есть в открытом доступе в интернете. Читатели отмечают, что такой формат им нравится больше, так как информация усваивается куда лучше, чем когда читаешь тот же текст на электронном носителе.

Интернет всё же нашёл лазейку, чтобы пододвинуть традиционный книжный бизнес. За последние два года около 86 книжным магазинам пришлось закрыть свои двери. Давление на них оказали маркетплейсы. Легкость, гибкость выбора и доставка почти до дверей противостоит эстетической атмосфере и запаху страниц. Ещё одно преимущество онлайн-магазинов — это продажа пиратского контента, мер по борьбе с которым пока нет. Тем не менее, такие гиганты как «Читай город», «Буквоед», «Дом Книги» ещё отстаивают конкуренцию.

Жанры и виды

Если в других отраслях новое вытесняет старое, то в книжной индустрии не так всё однозначно. Максимальными тиражами в 2023 году были изданы фантазии «Благословения небожителей» от писательницы Мосян Тунсю от 2017 года издания тиражом 492 033 экземпляров, «К себе нежно. Книга о том, как ценить и беречь себя» Ольги Примаченко, вышедшая в 2020 году — 374 817 книг, и «Маленький принц» 1943 года Антуана де Сент-Экзюпери — 189 253 изданий.

В пятерку лидеров также вошли «Портрет Дориана Грея» Оскара Уайльда и «Искусство любить» Эриха Фромма. А вот Стивен Кинг, который регулярно занимал лиди-

рующие позиции среди читателей всех возрастов, опустился до седьмого места. Топ художественных бестселлеров сервиса электронных книг «Литрес» возглавлял «Прыжок» Сергея Лукьяненко — более 20 400 экземпляров, а по количеству скачиваний аудиокниг лидировал «Идиот» Федора Достоевского, более 14 400 раз.

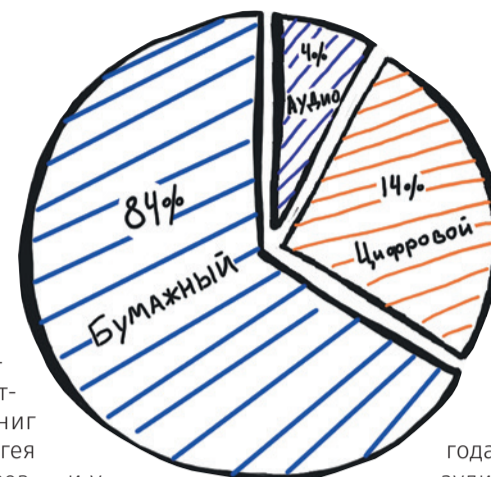
Классика остаётся неизменным авторитетом среди читателей разных возрастов. Современной литературе же намного труднее пробиться в руки читателей. Недоверие к новым изданиям, незнание молодых авторов, а также большой список непрочитанной признанной классики — причины, по которым свежие книги дольше остаются на витринах магазинов.

Графические издания на фоне мировой повестки сместились на полку ниже. На 30% возрос спрос на книги, связанные с патриотизмом, историей и военным искусством, а также военно-патриотическая литература для детей. Среди молодёжи вырос интерес к психологии и самоанализу. Это заметно из рейтинга топ-10 популярных книг издательства «Эксмо», в который входит «К себе нежно. Книга о том, как ценить и беречь себя» и «Всё закончится, а ты нет. Книга силы, утешения и поддержки» Ольги Примаченко, «Кафе на краю земли. Как перестать плыть по течению и вспомнить, зачем ты живешь» Джонн Стрелекина.

На фоне запрета запада восходит солнце самиздата — книги, которые авторы выпускают сами без участия издательства. По итогам 2023 года он увеличился на 30% по сравнению с 2022 годом и составил 4,4 млрд рублей. Самым продаваемым автором стал Андрей Васильев и его книги: «Файролл» и «Ученики Ворона».

Аудитория

Наиболее высокий показатель чтения эксперты отмечают у молодёжи от 16 до 24

года аудитории от 55 до 64 лет. Женщины по-прежнему читают больше мужчин, а регионы всё-таки остаются лидерами читающих. Так президент издательской группы «Эксмо-АСТ» Олег Новиков сообщил, что общий интерес к чтению в крупных городах снизился на 1% по отношению к прошлому году. Да, процент небольшой, но все же падение. При этом коммерческий рынок книг вырос и впервые превысил 100 млрд рублей. Но радоваться тут рано, так как это произошло не потому, что стали больше покупать книги, а потому что цена на них выросла.

Прогноз на 2024

Трудно с точностью определить курс, по которому выстраиваются книги. Участники книжной индустрии пророчат восстановление сегмента нон-фикшен, укрепление позиций российских авторов, продолжение развития маркетплейсов и, как же без новых технологий, развитие направления озвучивания аудиокниг, перевода и саммари при помощи искусственного интеллекта. Что касается конкуренции форматов, то спрос на бумажные будет падать из-за поднятия цен, но интерес к чтению у молодёжи не опустится. Необычным и быстро набирающим популярность направлением развития книжной индустрии в новом году станет экранизация. Кинопрокат уже снимает немало картин по сюжетам с печатных страниц, а в 2024 году популярность такого формата возрастёт. Издательская группа «Азбука-Аттикус» считает, что тренд книжных магазинов будет манги, манхуа (китайские комиксы) и новеллизация аниме и дорам.

Апостол современной классики

Екатерина МИЧУРИНА

«Вообще, есть такое понятие: читатель полюбил или не полюбил. Есть такое понятие «любовь читателя», — произнесла эти слова в интервью каналу «Культура» Елена Даниловна Шубина, руководитель «Редакции Елены Шубиной» (коротко — РЕШ) издательства «АСТ». Большинство книг, получивших статус важного литературного события можно найти здесь, в портфеле ее редакции.

Среди ее издающихся авторов Евгений Водолазкин (роман «Лавр» стал литературным событием 2013 года, оценка 4,2 на LiveLib), Алексей Иванов («Пищевые блок», оценка 4,1 на LiveLib), Гузель Яхина («Зулейха открывает глаза», оценка 4,4 на LiveLib) и многие другие имена,

которые можно встретить в шорт-листах серьезных премий.

«Книги, которые мы выпускаем, в какой-то момент стали ассоциироваться с моим именем — так это и закрепилось. Это удобно распространителям — тем,

Вообще, есть такое понятие: читатель полюбил или не полюбил. Есть такое понятие «любовь читателя»

кто доносит книги до читателей. Название редакции говорит им об определенном уровне и качестве книг, о некоем направлении в литературе — то, что называют высокой прозой» — комментарий Елены Шубиной на странице издательства.

Книги здесь издаются самые разные, есть даже так называемая «жанровая литература» — детективы и триллеры — на первый взгляд, далекая от привычного понимания высокой прозы. Но все романы, что выходят в «Редакции Елены Шубиной» отличаются качеством текста. Здесь вы не найдете посредственных книг. Каждая отобранная работа из всех присланных на почту редактору рукописей — алмаз в своем направлении

или жанре. Каждая вышедшая книга — бриллиант, ограненный тщательной работой Елены Шубиной с автором произведения.

РЕШ задает тренды в литературе и старается повысить планку качества российской прозы, чтобы избавиться от стереотипов о плохом ее качестве. Персонажи книг авторов редакции — живые и говорят о проблемах, которые в современных реалиях нуждаются в освещении. Ознакомиться с литературным портфелем РЕШ можно на сайте редакции.

Ужасающие или прекрасные: необычные формы современного искусства

Современные художники, те ещё экспериментаторы, они играют с цветом, полотном, пространством и тенями. Если бы на них взглянули древние авторы, то вряд ли бы назвали «это» искусством, но на вкус и цвет товарища нет, поэтому делайте выводы самостоятельно после прочтения статьи.

Таисия МЕНЬШУТКИНА

Анаморфоз

Это техника создания изображений, полностью понять и увидеть которые возможно только под определенным углом, то есть либо посмотреть на отзеркаленную картину, либо отойти на пару метров и сфокусировать взгляд.

В течение нескольких веков эта техника совершенствовалась. Первоначально изображения, которые получались на обычной бумаге, были трёхмерными. Затем они стали использоваться в качестве основы для создания произведений уличного искусства, где художники имитировали различные отверстия в стенах и трещины в земле.

Увлекательным примером является анаморфная печать. Однажды, когда студенты Джозеф Иган и Хантер Томпсон изучали в колледже графический дизайн, они сделали на стенах в коридорах колледжа искаженные надписи, которые можно было прочитать только при взгляде на них с определенной точки.

Обратное граффити

Это способ рисования путём удаления грязи со стен, машин и прочих объектов без применения краски. Художники пользуются сильными моющими установками, чтобы создать шедевр.

Одним из наиболее известных авторов в этой сфере является Пол «Муза» Кертиса, который нарисовал первую картину на чёрной от никотина стене ресторана, в котором он мыл посуду.

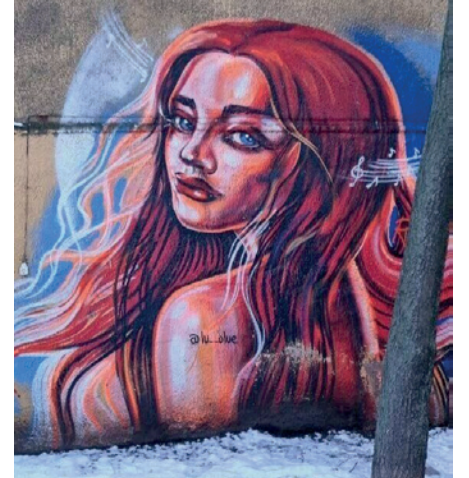
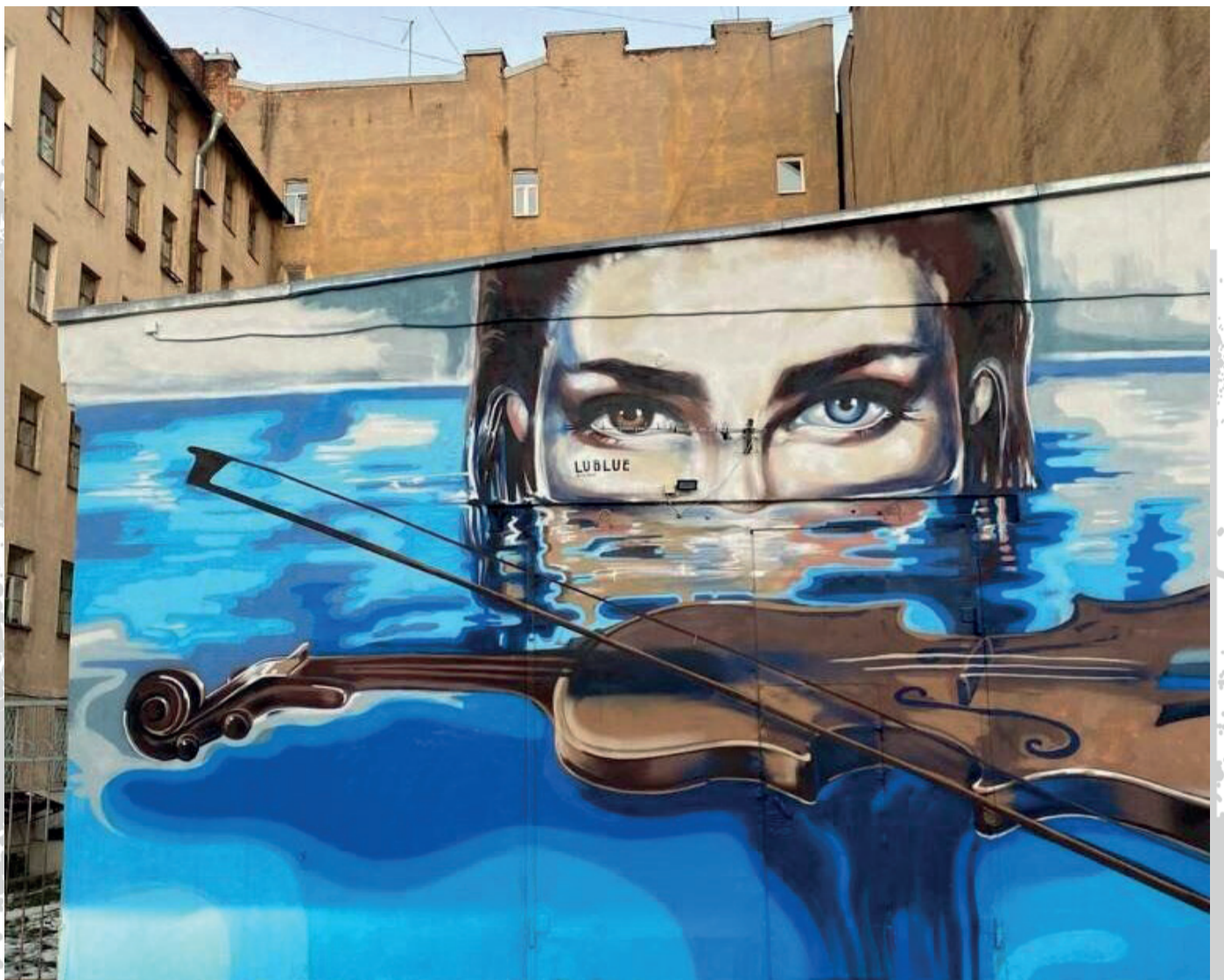
Другой же художник Бен Лонг для удаления грязи использует собственные пальцы, что ярко отражает его мастерство. На удивление, работы держатся около 6 месяцев, если их не испортят вандалы или же не смоеет дождь. Впечатляет!

Современное искусство бывает разным, и эта статья показатель. Оригинальность подходов, используемых художниками, заставляет зрителей запомнить работы. А что думаете вы?

Реверс трёхмерных изображений

На фоне попыток анаморфоза, направленного на преобразование двумерных объектов в трёхмерные формы, реверс трёхмерных изображений пытается сделать так, чтобы предмет или же человек стал похож на двухмерный рисунок.

Это наглядно показано на примере работ Алексы Мид, художницы, работающей в этом стиле. С помощью нетоксичной акриловой краски она превращает ассистентов в рисунок. Автор хочет, чтобы у зрителей возникла иллюзия того, что перед ними холст с обычным портретом.

Поэзия – творчество с большой буквы

Пытливые умы обращаются к художественным произведениям в поисках ответов, а наиболее пытливые вершат судьбу литературы сами. Интеллигентная часть российского студенчества пестрит начинающими авторами. В этом выпуске свет увидят некоторые стихотворения и рассказы, которые поэты допустили к печати по собственному желанию.

Любовь сложна, но так прекрасна;
Не скрыть её под блеском глаз.
Она — как плитка из фаянса:
Недолго существует в нас.

Ей невзаимность горше редьки;
Для жизни нужен ей накал,
Чтоб на коне любовник чести
К тебе под окна прискакал.

Коль нет ответа — нет любви:
Она завянет как цветы
И перекинёт взгляд на друга,
Лишённого того недуга —
Невниманья.

Вера Ерофеева

Домик в лесу,
День за окошком,
Веранда из досок,
Простая дорожка.

Я жил там три дня,
Но понял однажды,
Что так же, как здесь,
Не получится дважды.

Озеро, лодка
И маленький дождик,
Грибочки за домом,
У двери терновник.

Дорога чрез поле,
Лошадка и овцы.
Всю жизнь бы на воле
Вздывать руки к солнцу.

Простое хозяйство:
Две грядки, колодец.
Кирпичная печка
Тепло нам протопит.

За домом ещё дом,
Сарай в нём и дровник.
Там ведра и грабли,
Поленья, топорик.

Я жил так три дня —
И вдруг понял однажды,
Что так же, как здесь,
Не получится дважды.

Мария Окунь

«Камни и лопатки»

Меня ранит, что светит, и ранит тоска.
Мне пустынно раздолье и тесна река.
Меня ранит удар твоих каменных слов
(Я пишу не впервой, но лишь несколько
строф),

Но они не острее лопаток моих,
Что становятся крыльями мыслей живых.
Я взлечу — оставайся с камнями внизу
И услышь: Он зовёт, но тебя там не ждут.

Анна Красовская

«It's right — to be bright»

Ночь. Взойти бы мне яркой звездой,
Чтобы делать светлее твой путь.
Не желаю светить для себя —
Я хочу для кого-нибудь.
Оставаться похожей на всех?
Ну, уж лучше мерцать огоньком,
Средь кромешной ужасной тьмы
Направляя на путь домой.
Чтобы, лёжа во ржи на полях,
Ты узрел в моём свете себя.
Но невзрачные малые звёзды
Светят дольше желающих жить:
Так бывает, что даже любимым
Остаётся недолго светить.
Анна Красовская

Что такое страшно?
Что такое больно?
Что такое важно?
Что такое вольно?

Что такое с солью,
Ну, или без хлеба?
Что такое с кровью
Или без обеда?

Почему вопросов
Слишком много в мире?
Почему соврали
И не накормили?

Почему же бросили?
Почему не встретили?
Почему накрашили?
Почему повесили?

Почему без печки
Не сгорела б баня?
Почему без досок
Не собрать сарая?

Почему открыли?
Почему закрыли?
Почему продали?
Почему купили?

Почему без связи
Не ответить маме?
Почему без ручек
Не нужны тетради?

Почему без тихо
Не бывает громко?
Почему без глухо
Не бывает звонко?

Почему без споров
Не бывает мести?
Почему без жизни
Не бывает смерти?

Мария Окунь

Мне хочется весны, цветов и счастья,
Романтики весёлую небрежность
И лёгкого пересечения запястий —
Почувствовать забывшуюся нежность.

И света солнца в утренние окна
Мне так давно безумно не хватает;
Травы зелёной и немного мокрой —
Из-за того лишь, что роса на ней
осталась.

В недлинном платье босиком в деревне
Мне хочется бродить как прошлым
летом.
Смотреть, как в непрозрачном синем
небе

Не пыжатася чванливым этикетом.

Под кроною берёзы шелестящей
Мне в книге хочется листать страницы
И чувствовать героев дух сквозящий,
Читая и слегка влюбляясь в лица.

Мария Окунь

«Подсобная мечта»

Ступали маленькие ножки по паркету
И слышалось: «Мамап, ловите, ну!»
Летели ножки плавно к чуду, к свету —
Навстречу счастью éphémère своему.

«Постой, mon cher, кто бегать
разрешил?» —
Вдруг строгое со стороны проёма.
«Прошу простить: изволила спешить», —
Откликнулась счастливица у ёлки.

Берёт коробки девочка и смотрит:
Где туфельки балетные её?
«О, матушка, не будете Вы портить
Désir chéri чудесное моё?»

Скривилась чуть губа прекрасной дамы:
«Что значит "портить"? Ты забудь,
О танцах думать брось! Не будь
Капризной девочкой! Отнюдь,

Ты говоришь желаньем мимолётным.
Здесь всё: конфеты, куклы, ёлка,
Дом кукол, пряники, варенье...
Ещё чего? На грани я терпенья!»

Умолкла девочка, отставила коробки;
Уселась на пол — просто, по-крестьянски.
А рядом, в тлеющей от сырости
подсобке
Лежали туфли. Мамины. Балетной
лёгкой встряски.

Анна Красовская

Серые краски

Екатерина
МИЧУРИНА

За окном лил дождь, монотонно постукивая по грязному стеклу. Олег подражал ему, стуча пальцами по поверхности деревянного стола. Отстукивать весь ритм не получалось, но в такой обстановке ему было легче уйти в свои мысли. Сейчас он думал о странных вещах, которые уже давно не выходили у него из головы. Он что, стареет? Обычно в шестнадцать лет полагается думать совсем в другом направлении. Или вовсе не думать. Тут кому как нравится.

Впрочем, размышления о бренности жизни тоже не разбавляли его скуку. А скука была страшная. Уже год его не радовало ничего из того, что должно радовать подростка. Книги, которыми он раньше зачитывался до ночи, теперь пылились в самом дальнем шкафу. К ушам приросли старенькие потрёпанные наушники, в которых без конца играли заунывные песни на тему психологических проблем. И рок. А в маленькой тетрадке, на которую он однажды пролил чай по неосторожности, появлялись новые рисунки. Да, они были довольно странного содержания. Но ему чертовски нравилось их рисовать. Рисование было единственным увлечением, которое ещё вызывало в нём какие-то эмоции. И парень ухватился за него как за спасительную соломинку.

Олег поднялся с продавленной кровати и ничего не выражающим взглядом посмотрел в заляпанное окно. Всё-таки его нужно будет когда-то помыть. Может быть, он даже протрёт его сегодня. Или завтра? А может, чёрт с ним – с этим окном? Честно говоря, парню было без разницы. Олега практически никогда не заботило его окружение.

— Олежа, подойди сюда... — слышался с кухни взволнованный женский голос.

Мама. Олег любил её, хотя ей никогда не нравились его рисунки.

— Сейчас буду, мам, — не слишком тихо и не слишком громко ответил он, пытаясь найти загнанную под диван тапку.

Он вечно терял то одну, то другую. По закону подлости терялась одна из пары, а вторая оставалась на месте. И вот, хоть ты тресни, днём с огнём её не сыщешь! Парень бросил почти равнодушный взгляд на одиноко лежащую тапочку и прерывисто вздохнул. Сегодня пропала правая. Если её не окажется под диваном, то к маме придётся идти босиком. А она это ой как не любит.

— Олег, ну ты где? Иди сюда, быстро! — в голосе — явное раздражение.

Если он придёт к маме без тапок, это разозлит её ещё больше. А в гневе эта женщина была словно Мегера.

— Где ты, черт возьми... — выругался парень, беспорядочно двигая рукой.

К его величайшему сожалению, тапки под диваном не оказалось. Если бы в доме это разрешалось, парень бы сплюнул. Очень уж ему этого хотелось.

— Олег, ты опять засел за этим бесполезным занятием и игнорируешь меня?

Он вздохнул. Похоже, придётся идти на кухню в носках... В только что выстиранных носках. Это самый смертельный из всех смертельных номеров в истории, но другого выбора у Олега не было.

Поднявшись, он почти бегом бросился в сторону кухни, чтобы не нервировать родительницу ещё больше и не засветить своё преступление раньше времени. По пути парень два раза чуть не поскользнулся, — видимо, поэтому мама запрещала ходить по дому без тапок — но всё же достиг своей цели. Мать стояла, сложив руки на груди, и как-то отстранённо смотрела в сторону ещё одного грязного окна. В их доме все окна были грязные.

— Мам, я пришёл, — Олег встал за полуприкрытой дверью, чтобы мама не заметила его фактически босые ноги. — Ты чего-то хотела?

— А, да, — она дёрнулась, вырываясь из омута собственных мыслей. — Олег, мне нужно будет уехать на пару дней.

— Уехать? — сердце парня ухнуло вниз. Если бы оно сейчас жалко валялось у его ног, он бы непременно со всей силы на него наступил. — А как же поход в новый книжный магазин, который недавно открылся в нашем ТЦ? Мам, ты же обещала сходить со мной...

— Олег, если я не поеду в эту командировку, то меня лишат премии. Ты понимаешь? — снова этот взгляд. Олег ненавидел этот её взгляд, который предвещал бурю. — Когда я вернусь, мы обязательно сходим туда вместе.

«Ты всегда так говоришь», — пронеслось в его голове, но вслух Олег сказал другое. Он всегда говорил не то, что думал.

— Хорошо, мам, я буду ждать твоего возвращения.

— Молодец, а теперь иди в комнату. И займись чем-то полезным. Рисование не принесёт тебе ничего в жизни. Ох, если бы не твой отец... Я бы давно выбросила твои краски и кисточки в окно, — мама отвернулась, бормоча что-то себе под нос. — Кажется, у тебя на носу контрольная по математике?

Олег не дослушал. Замечание про рисование вновь полоснуло по заклеенной пластырем самовнушения душе, заставляя сознание снова отключиться. Было больно. Чертовски больно. Олег добрался до комнаты на автопилоте и безвольно рухнул на кровать. Ему как раз нужно было закончить новую картину, но рука не поднималась взять кисточку. Да и под «закончить» имелась в виду не парочка последних штрихов. Это многотрадальное полотно Олег перерисовывал шесть раз, и все шесть раз были, по его убеждению, далеки от поставленной самим собой цели. Впрочем, и эта самая цель менялась от наброска к наброску. Сначала Олег хотел запечатлеть море. Невзрачное чёрное море, куда они всей семьёй ездили прошлым летом отдыхать, и которое, по его скромному мнению, было недостаточно чёрным, чтобы так называться. Потом, через множество проб и ошибок, идея для картины стал поход с матерью в книжный, где по задумке Олег должен был стоять у полки с фантастикой, а любящая мама с улыбкой помогала бы с выбором книги. Именно так выглядела мечта мальчишки, которая сегодня была отодвинута на неопределённый срок, а значит, с большой долей вероятности с ней можно было попрощаться навсегда. Мама никогда не держит своё слово.

«А папе сейчас не до меня. У него свои заботы».

Веки слиплись в единую дугу, позволяя темноте забрать Олега в свои ладони и некрепко сжать, закрывая обессиленное тело в чёрном, казалось бы, пустом кулаке, пока впереди не начали появляться обрывки прошлых, потерявших все краски рисунков.

— Олег...

Голос доносился откуда-то сверху, почти ласково называя его имя. — Олежа...

Он не хотел откликаться, но его буквально вырвали из сна лёгкой тряской за правое плечо и недовольным голосом, свирепеющим с каждой секундой.

— Олег, ты опять рисуешь? Что я тебе говорила? К математике готовься! А ты что делаешь? — Олег почувствовал, что мама легонько ткнула его в бок. — Сынок... ты не выпался? Небось, опять допоздна книжки читал... Ну сколько раз я тебе говорила: прекрати спать на ходу! Опять под машину попадёшь — и что мы будем делать?

Любовь. Такое простое слово было выведено на холсте, а вокруг него — дуги, свисающие откуда-то сверху, больше похожие на корявые петли. Под ними — сгорбленная фигурка человека, вжавшегося в угол.

Парень держал в руках карандаш со сломанным грифелем и серыми от карандашной пыли руками. Он не понимал, как очутился здесь — у пустого до этого холста.

— Мам, я не спал. Я искал вдохновение, — быстро нашёлся Олег, переводя полный растерянности взгляд на маму. — Иногда проще представить в голове объект, и тогда...

— Вижу я, как ты его представил, — мать ткнула пальцем в одну из довольно кривых петель. — Вот это что такое? Новый вид в архаическом искусстве?

— Да, — выдавил из себя парень, мельком взглянув на объект обсуждения. — Символизирует замкнутость души человека.

— Вот придёт отец и посмотрит на твою «замкнутую душу», — недолго думая, мама взяла в руки картину и понесла к выходу из комнаты. Олег слегка дёрнулся, но тут же застыл, когда строгий взгляд маминых серых глаз зацепился за испачканные в карандаше ладони. — Руки помой. Нет у меня времени сейчас с тобой возиться. Мне ещё вещи собирать.

Она ушла, а парень устался на серые ладони. За заляпанным окном на сером небе светило серое солнце. Мамины глаза ведь точно были серыми? В растерянности Олег последовал за ней, но серый коридор будто стал длиннее. С каждым шагом переставлять ноги оказывалось сложнее, словно они прирастали к полу, как к липкой жвачке, которую очень любил жевать отец.

Недовольство, вылившееся в суп

Зачем эоактивисты портят шедевры мировой живописи? В современном нефтегазовом мире обращать внимание на сохранение природного достояния становится всё сложнее. Впрочем, при возникновении трудностей всегда найдётся тот, кто попытается их разрешить. Ну, или усугубить ситуацию. В данном спорном случае это эоактивисты различных движений.

**Анна
КРАСОВСКАЯ**

Внимание к проблеме использования невозобновляемых источников энергии они привлекают специфическим образом — обливая картины известных художников. «Подсолнухи» Ван Гога оказались «удобренны» томатным бульоном, другую картину голландского гения — «Сеятель» — «попотчевали» гороховым супом, а «Мону Лизу» решили «угостить» куском торта. За что досталось вымышленным людям на портретах и красивой природе на пейзажах? Почему эоактивисты выбрали путь терроризма? И как еда оказалась оружием?

На последний вопрос можно ответить сразу и лаконично: эоактивисты всё-таки

хотят сделать мир лучше, а не попасть за решётку. По этой причине они не используют опасные субстанции: картины остаются в сохранности, а «эковандалы» — на свободе. Арт-критик Юлия Калашникова поясняет: «[Они] используют суп, а не кислоту, потому что их цель — попасть в заголовки, а не в тюрьму. И ещё они не хотят получить крупные штрафы».

В таком случае почему люди с добрыми намерениями занимают столь неадекватными вещами? Ларчик открывается просто: эпатажность и странность привлекают внимание. Приклеивание людей к картине Мунка «Крик» вероятнее вызовет соответствующую реакцию, чем выход на забастовки и митинги. Глобальные проблемы вообще требуют радикализма: «Что для вас дороже: искусство или жизнь? Стоит ли оно больше, чем еда? Больше, чем правосудие? Что вас волнует больше: защита картины или планеты и людей?» — скандируют участники движения «Just

Stop Oil». Подменяя культурные ценности экологическими, они сопоставляют то, что должно быть равноценно важно. Пользователи интернета настаивают на том, что эоактивисты, пытающиеся продвигать проблему добычи и переработки нефти за счёт других жизненных сфер и аспектов, должны быть признаны экотеррористами¹ и «заняться чем-нибудь более полезным для общества».

Самый волнующий вопрос — в чём повинны «униженные и оскорблённые» картины — невероятно прост: ни в чём! Разве что в своём местоположении: они выставлены в музеях, которые спонсируют нефтяные магнаты. Например, в списке меценатов Национальной галереи в Лондоне (там было совершено первое покушение на жемчужины живописи) находится семейство Гетти, чей бизнес процветал за счёт продажи нефти.

«Жертвами» экологического террора, кстати, становятся хорошо защищённые

полотна. Делается это, как уже было сказано, с целью смягчения последующего наказания для эоактивистов: «Они нарочно нападают на шедевры, которые защищены стеклом, чтобы не нанести большого ущерба», — отмечает Калашникова.

Ситуация крайне неоднозначна: если эоактивисты не нацелены извлечь прибыль, но настроены на существенную помощь в изменении экологической ситуации, то им стоит изменить стратегию. В конце концов «жестокость человечество породило само», поэтому природе оно явно не поможет.

¹ Экологический терроризм — применение или угроза применения насилия по отношению к невиновным гражданам и/или их имуществу со стороны экологически ориентированных, межнациональных групп по эколого-политическим причинам, либо направленных с целью привлечения внимания.

№4 (455)

от 2024 года

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов опубликованных материалов.

Выпускающие редакторы — **Окунь Мария и Малышева Анна**. Бильд-редакторы — **Краснова Дарья и Мельситова Богдана**. Макет — **Лошкарева Карина и Миронов Андрей**.

Номер подготовлен студентами 9-й группы первого курса под руководством **Мирослава Николаева**.

Вёрстка — **Диана Стародубцева, Алиса Урицкая, Ангелина Бертунова, Маргарита Логинова, Алёна Редькина, Веста Видяева, Ангелина Боброва**.
© Логотип — **В. Бертельс**.